

Хроника, события, факты

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-243-253

**Состоялась презентация и обсуждение фундаментального исследования
русской власти и бюрократического государства**

МАКАРЕНКО Виктор Павлович,
доктор политических и философских наук, профессор,
академик Национальной академии педагогических наук Украины,
заслуженный деятель науки России,
директор Центра политической концептологии
Высшей школы бизнеса Южного федерального университета,
г. Ростов-на-Дону, Россия
Vpmakar1985@gmail.com

26 февраля 2016 г. в Южном федеральном университете состоялось второе заседание теоретического семинара по проблемам русской мысли и политики. Руководителем семинара является В.П. Макаренко, автор более 400 научных работ, в том числе 30 индивидуальных и коллективных монографий. Заседание было посвящено презентации и обсуждению фундаментального исследования под руководством В.П. Макаренко, выполненного по гранту Южного федерального университета «Разработка методов и организационных форм политической концептологии в контексте центрo-периферийных проблем постсоветской трансформации России № 213-01-24/2013-180»¹.

Фундаментальное исследование посвящено применению разработанной В.П. Макаренко теории бюрократии для анализа связи между русской властью и бюрократическим государством, группами интересов и правительством современной России. Корпоративные, клиентельные и парантельные отношения групп интересов с госаппаратом не отражают общие интересы населения страны и не являются правовым взаимодействием между системой социальных интересов и властью. Государственный аппарат тоже не выражает общие интересы. Поэтому общие интересы населения страны не выражаются и в российском законодательстве. Таков парадокс постсоветской трансформации в России: вмешательство правительства в социальную жизнь увеличивает стремление групп интересов изменить перераспределительную политику в свою пользу, одновременно увеличивая сферу неправового взаимодействия групп интересов с госаппаратом и социальную роль правительства. Эта тенденция усилилась на протяжении 2000-х гг. В двухтомнике описаны различные проявления данного парадокса.

После приветствий руководства Южного федерального университета участникам конференции и рассказа В.П. Макаренко об этапах реализации и структуре исследовательской программы развернулась дискуссия. Ее открыл доктор экономических наук, профессор В.В. Вольчик (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону) докладом **«Ловушки и тупики института власти-собственности»**. Он показал, что исследования института власти-собственности получили значительное распространение на фоне масштабных институциональных изменений последних нескольких десятилетий. Власть-собственность в отличие от абсолютной частной собственности является условной собственностью. Получить, эффективно использовать и защитить власть-собственность можно только в том случае, если субъект собственности имеет

¹ См.: Макаренко В.П. Русская власть и бюрократическое государство. Часть 1. Ростов-на-Дону, Март, 2013, 649 с.; Русская власть и бюрократическое государство. Часть 2. Коллективная монография. Отв.ред. В.П. Макаренко. Ростов-на-Дону, изд. ЮФУ, 2015, 625 с. Книги размещены в РИНЦ, а также на сайте журнала «Политическая концептология»

http://polittheory.narod.ru/Makarenko/Russian_Power_1.pdf

http://polittheory.narod.ru/Makarenko/Russian_Power_2.pdf

Рецензия на часть 1 см: Тимофеева Л.Н. Русская власть и бюрократическое государство по В.П. Макаренко // Полис (Политические исследования). 2015, № 3
<http://www.politstudies.ru/files/File/2015/3/2015-3-TIMOFEEVA.pdf>

власть или аффилирован с властными структурами. Институт власти-собственности характерен для экономических порядков, обладающих признаками «экономики современного меркантилизма». Согласно Э. Сото, «...современный меркантилизм есть... вера в то, что экономическое процветание государства может быть гарантировано лишь правительственным регулированием националистического типа». В меркантилистической экономической системе всегда существует опасность потерять преференции государства, эксплуатация и функционирование объектов собственности будут вестись хищническими методами и, следовательно, всегда неэффективно в долгосрочном периоде. Институт власти-собственности показывает свою относительную эффективность в периоды мобилизационного, нестабильного развития общества, ведения войн и расширения территории государства. Однако в более спокойные периоды функционирование института власти-собственности не приводит к формированию стимулов к накоплению и инвестированию в объекты собственности, которые возникают при абсолютной частной или индивидуализированной собственности.

В российской экономике институт власти-собственности доминирует на протяжении нескольких веков. Замыкание российской экономики на институте власти-собственности произошло вследствие возрастающей отдачи от внедрения данного института, так как, согласно подходу Б. Артура, в случае возрастающей отдачи возникновение эффекта блокировки и закрепление субоптимальных институтов возможно с высокой вероятностью.

Для формирования эффективной системы собственности в результате институциональных реформ, необходимы стимулы. Эти стимулы должны соотноситься со всеохватывающими общественными интересами, но роль групп со всеохватывающими интересами при классическом и современном меркантилизме незначительна, что и определяет устойчивость и относительную стабильность функционирования меркантилистической экономики. В российской экономике доминирование института власти собственности происходит на фоне глубоко закрепившегося в общественном мнении отрицания необходимости широкого распространения частной собственности на землю и крупные промышленные объекты. Большинство россиян (52%) считают, что в основе современного типа экономической системы должно лежать государственное распределение и планирование, что также способствует сохранению власти-собственности как институциональной ловушки. Поэтому исследования В.П.Макаренко были и остаются крайне актуальными.

Доктор философских наук, профессор В.Н. Порус (Национальный исследовательский университет – Высшая школа экономики, Москва) сделал доклад на тему **«Бюрократия как феномен культуры»**. Название доклада не должно вводить в заблуждение. В.Н. Порус разделяет эмоции В.П. Макаренко, который обрушивает на российскую бюрократию инвективы: «социальный организм-паразит на всем протяжении своего исторического существования», «класс властителей-собственников», извлекающий из своего социального положения колоссальные выгоды за счет фактической эксплуатации населения и продлевающий свое вредное существование с помощью монополии на насилие, корпорация «бесящихся с жиру» оккупантов, на каждом шагу преступающих законы, которые «не для них писаны». Продолжить этот ряд не трудно, для этого достаточно «глянуть окрест себя». Но в таком случае можно ли говорить о бюрократии как о культурном феномене? В.Н. Порус полагает, что можно, и обосновывает это утверждение.

Культурная ценность – это вовсе не что-то безусловно хорошее и привлекательное. Это определенный для данной культуры принцип, служащий универсальным ориентиром всякого социально значимого действия (в том числе и мыслительного). Этот принцип обладает властью особого рода. Она удерживается до тех пор, пока значимое большинство людей, относящих себя к данной культуре, признает ее над собой и подчиняется ей. Причины признания и подчинения могут быть различными, но одна заслуживает особого упоминания. Это – приемлемая степень согласования между собой витальных (стихийных, природных) устремлений индивида и ограничений на эти устремления, накладываемых необходимостью сохранения и упрочения общественных связей ради достижения всеобщих целей. До тех пор, пока такое согласование возможно и дает удовлетворительные (успешные) результаты, власть культурных ценностей не встречает массового сопротивления. Если признания и подчинения нет, их власть слабеет и падает, хотя до поры может все же держаться с помощью насилия, применяемого специальными институтами (без каковых не обходится ни одна власть).

В этом смысле культура – незримая узда, наброшенная на человеческое своеволие, сдерживающая человеческое своеволие, его дикие и свирепые проявления. Она позволяет людям уживаться друг с другом даже тогда, когда их совместная жизнь оказывается вне надзора со стороны Левиафана – до тех пор, пока желание сбросить эту узду не оказывается сильнее страха перед аннигиляцией противоположных волей (об этом – роман-аллегория У. Голдинга «Повелитель мух»). Если власть культуры по каким-то причинам слабеет и падает, ее функции

какое-то время может выполнять цивилизация: люди, пока их жизнь контролируется цивилизацией, живут так, *как будто* они культурны, но едва контроль ослабевает или исчезает вовсе, культура сходит с них, как макияж после бани. Тогда культурные ценности становятся симулякрами (в смысле Ж. Бодрийера).

В.Н. Порус считает, что бюрократия – это феномен, воплощающий в своем существовании ценности культуры. Он получил предельное выражение у Платона, воспевавшего власть мудрецов, подчиняющих общественное устройство принципам общего блага. Эти принципы – вечные и абсолютные истины, отклонение от которых есть опасное заблуждение или строго караемое преступление. Бюрократия, по М. Веберу, – идеальный тип, в котором отражен культурный смысл исторической эпохи, знаменуемой торжеством рациональности в первую очередь в сфере хозяйства. Рациональность у Вебера – *принцип культуры, первенствующий в системе культурных универсалий*. Культурные феномены, будучи подчинены принципу рациональности, должны вобрать его действие в себя. К ним относится и феномен бюрократии.

Следовательно, симптоматика отчуждения (например, нарастание неразрешаемых противоречий между властью и обществом), которую детально исследует В.П. Макаренко, свидетельствует о том, что, во-первых, *мы имеем дело не с бюрократией*, но с ее варварским суррогатом, а во-вторых, что ценность рациональности не превалирует в системе жизненных ориентаций людей.

Отсюда два направления критики (по отношению к бюрократии). Первое – общество должно преодолеть негативные последствия господства бюрократии и перейти в иное состояние, в котором бюрократия будет под эффективным контролем общества. К этому, как мне кажется, склоняется В.П. Макаренко. Он возлагает надежду на демократические преобразования, выстраивание демократических институтов. Это распространенная позиция. Однако она вызывает сомнения у В.Н. Поруса.

Сама по себе идея демократии не является панацеей. В определенных исторических условиях (чудовищное имущественное расслоение общества, уродливо перекошенная экономика, отсутствие элементарного правосознания и традиций самоуправления, травматический исторический опыт, идеологический вакуум, криминализация практически всех сфер жизни) строительство демократических институтов оказывается возведением декораций и ширм, за которыми бюрократия продолжает свое паразитарное существование. Исторический опыт свидетельствует, что демократические институты могут порождать людоедские режимы власти, по сравнению с которыми нынешняя российская бюрократия выглядит вполне невинно.

Второе направление – критика бюрократии есть *par excellence* критика культуры. Просто говоря, наша бюрократия есть порождение нашей культуры. Пока культура такова, какая есть, иной бюрократии быть не может. Нужно менять культуру.

Преобразовывать культуру намного труднее, чем критиковать бюрократию. Ясно, что гипертрофированная варварская бюрократия есть вопиющий симптом неблагополучия культуры. Но как лечить болезнь, а не ее симптомы? Призывы к культурным преобразованиям воспринимаются с меньшим энтузиазмом, чем лозунги борьбы с бюрократическими извращениями. В обществе всегда найдутся сторонники немедленных и решительных действий («огонь по штабам», вспоминается этот маоистский призыв, в свое время обернувшийся трагедией в Китае), но попробуйте найти подвижников, способных посвятить себя культурной работе, даже не надеясь при этом увидеть плоды своих трудов при жизни. Кроме того, в ситуации культурного кризиса – дефицит новых культурных идей, которые могли бы найти массовую поддержку. Добавить, что новое далеко не всегда лучше старого – и мы получаем не слишком оптимистический прогноз перспектив культурного развития.

Общий вывод В.Н. Поруса таков: путь политической мысли, исследующей феномен российской бюрократии и способы борьбы с ним, должен пролегать через пространство философии культуры. Эти сферы исследования проникают одна в другую, а понятия и концепты, используемые в каждой из них, сопряжены по смыслу. Концепт «бюрократия» – один из них, равно принадлежащий обоим.

Доктор философских наук, профессор А.В. Лубский (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону) в докладе **«Русская власть и нормативная модель социального поведения в России»** показал, что русская власть – это концепт, с помощью которого интеллектуалы пытались осмыслить своеобразие исторического пути России и специфику государственной в ней власти. В дискурсивных практиках существуют различные трактовки Русской власти, наиболее значимыми из которых были предложены В.П. Макаренко, Ю.С. Пивоваровым и А.И. Фурсовым. Общим в этих трактовках, которые основаны на идее «насилия», является то, что Русской власти придается метафизический характер и ее содержание подается в метафорической упаковке. Различия заключаются в следующем: в основе трактовки Русской власти В.П. Макаренко лежит идея «власти-собственности», а в основе трактовки Русской власти Ю.С. Пи-

воваровым и А.И. Фурсовым – идея «властеецентричности» русского мира. Концепт «Русская власть» позволяет целостно осмыслить неформальную институциональную матрицу российской государственности, формирующую неосознанные структуры ментальной программы социального поведения и сконструировать его нормативную модель в российском обществе. Нормативную модель социального поведения в российском обществе можно выразить такими метафорами дискурсивного мышления, как «человек политический», «человек авторитарный», «человек иоанновский».

Доктор политических наук, профессор С.П. Поцелуев (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону) в докладе **«Политическая концептология и политическое кабаре: неслучайные параллели»** подчеркнул, что многие авторы не без основания указывают на *метафорический* характер термина «русская власть», введенный в научный оборот рядом наших отечественных ученых (Ю.С. Пивоваров, А.И. Фурсов, В.П. Макаренко). Критики этого выражения (В.А. Дубовцев., Н.С. Розов, А.В. Лубский и др.) отмечают возможность прочтения данного выражения в *метафизическом* смысле. Действительно, прямое использование термина «русская власть» в научном дискурсе чревато спекуляциями в духе концепции «особого пути». Причем «особого» как в смысле мифа о вечной «азиатской ущербности» России, так и в смысле «высшей божественной миссии» русского народа. Но для работ В.П. Макаренко в целом не характерен серьезный метафизический смысл «русской власти». Это выражение, скорее, сопряжено с политическим комизмом и имеет *кабаретистский контекст*. Чтобы понять специфику «русской власти» у В.П. Макаренко, надо иметь в виду общий контекст развиваемой им *политической концептологии*, а само выражение «русская власть» толковать именно как политический *концепт* с его особой связью с художественным творчеством.

По мнению С.П. Поцелуева, политическая концептология – это вообще метадисциплинарный концептуальный аналог политического кабаре. Под «политическим кабаре» вслед за немецким ученым П.-М. Айншпорном С.П. Поцелуев понимает кабаретистский дискурс, который производит социально-политическую сатиру с использованием художественных средств, типичных для кабаретистского жанра. При этом главная функция политического кабаре – не столько развлекать публику, сколько образовывать на равных с ней своеобразный культурный анклав, окруженный системой социального господства, признаваемого в качестве несправедливого и анахроничного. Эта установка полностью совпадает с установкой политической концептологии вообще и концепта русской власти в частности. Отсюда вытекает одна из главных функций политического кабаре: используя средства развлечения, выражать *эстетическую* (шире – идеологическую) *делегитимацию власти*.

Далее, политическое кабаре не действует в качестве самостоятельного политического актора или пропагандистского инструмента какого-либо политика или политической организации. Оно реагирует, прежде всего, на политическую эстетику существующего политического режима, включая вульгарно-порнографические формы его проявления. Аналогично действует и политическая концептология: сохраняя дистанцию к партийной политике, она не просто критикует какую-то отдельную политическую (политологическую) концепцию, но отвергает сам стиль господствующего мышления, идеологические, интеллектуальные моды, причем в разных сферах. Отсюда проистекает универсально-синтетический характер кабаретистской сатиры, которая не исчерпывается только политическими сюжетами, но включает моральную и художественную, одним словом, социальную критику. И это тоже вполне отвечает метадисциплинарным претензиям политической концептологии. К примеру, немецкие политические кабаре 20-х гг. были сатирой не только на политическое угнетение в кайзеровской Германии, но также на двойную мораль бюргерства, на его идеологическую индоктринацию посредством церкви, школы и государства. И это как раз те сюжеты, которые можно сегодня встретить в работах В.П. Макаренко, посвященных «русской власти».

Кандидат философских наук, доцент А.А. Кириллов (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону) сделал доклад на тему **«Кратос vs знание: феномен оппозиционной науки»**. Он считает, что в многообразной и разноплановой исследовательской сюжетике профессора В.П. Макаренко на протяжении длительного периода четко и однозначно просматривается базовая теоретическая пропозиция – анализ феномена избыточности власти в ее «русской» локализации. Феномен «русской власти» рельефно проступает на фоне анализа типологии организационных структур и научной политики, исследовании теории бюрократии и политических элит, при рассмотрении методологических оснований и ключевых аналитических приемов политической концептологии, то есть всех тех сюжетов, которые организуют пространство современной политической философии.

Подобная организация логики политического исследования, производство критической аналитики о кратических ипостасях и философского видения природы «русской власти» не мо-

жет не затронуть проблемную линию понимания статуса концепта «русской власти» сквозь призму другого, сопутствующего первому, но часто «теневому» концепту – «русская наука». Последнее вдвойне интересно, так как в 2016 г. концепт «русская наука» приобрел юбилейный статус, 9 февраля исполнилось 70 лет с памятного обращения генерального секретаря ЦК ВКП (б) И.В. Сталина к советским ученым с призывом догнать и превзойти в ближайшее время научно-технические достижения ученых зарубежных стран. Именно данное обращение послужило лейтмотивом к написанию в 1947 г. академиком С.И. Вавиловым статьи «Советская наука на службе Родине», которая, будучи опубликованной, предвляла эмблематическое издание 1948 г. «Люди русской науки». Базовая формула генеалогии советского научного знания, артикулированная И.В. Сталиным и реализованная академиком С.И. Вавиловым, выглядит так: советские ученые – это наследники и продолжатели всего лучшего, что оставила творческая мысль великих русских ученых, советские ученые развивают и умножают славные традиции прошлого русской науки.

Описательный концепт «русская наука» в данном монументальном издании приобретает не только свои особенные генеалогические корни и родословные титулярии, но и однозначно проманифестированный академиком Вавиловым принципиальный оппозиционный статус природе «русской власти». Важно и интересно то, что «оппозиционный» статус «русской науки» академиком Вавиловым выведен в ее яркое и неотъемлемое качество. «Вследствие такого естественного классового отбора среди русских ученых определилась ясно выраженная демократическая прослойка, с ее, правда, робкой и скрытой, но все же **несомненной и постоянной оппозицией классово-враждебному правительству**, не понимавшему вдобавок роли и перспектив науки».

Исследование «оппозиционного» статуса «русской науки» представляет большую перспективу и интерес с точки зрения не только историко-научной, но и анализа актуального статуса современного политического сюжета, где пропозиция «русская власть» и «русская наука» все больше приобретает политизированную формулу «кратос vs знание». Тематические блоки и дискурсивные стратегии «оппонирования» советской и постсоветской науки (русской науки) могут быть прослежены на протяжении многих последних десятилетий: от «антисоветской» литературности творческой технической и поэтической интеллигенции 60-70-х (ярко представленной в работах П. Вайля, А. Гинеса, Ю. Слѣзкина) до версии «сетевой общественной экспертизы и критики» вольного сетевого сообщества экспертов, исследователей и репортеров «Диссернет». Возникновение и научная «оппозиционная» деятельность подобных сообществ вдвойне интересна, так как их исследования имеют не только осознанную гностическую ориентацию, но и явную кратическую претензию – исследования и разоблачения «Диссернета», где в равной мере затрагивают различные категории граждан России: профессиональных ученых либо людей, безосновательно именующих себя таковыми, а также политических и общественных деятелей, попытавшихся улучшить свою репутацию и приобрести дополнительное уважение сограждан путем защиты диссертаций и получения официальных дипломов о кандидатских и докторских степенях. Поэтому труды В.П. Макаренко, по мнению А.А. Кириллова, можно рассматривать в контексте гностической ориентации и кратической претензии, которая с каждым годом приобретает не только отчетливую модельную математическую наглядность, но и визуальную «научную оппозицию» сетевого солидаритета по отношению к «русской власти».

Доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник М.Ю. Барбашин (Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Ростов-на-Дону) в докладе «**Институты и проблемы развития современного государства**» отметил, что в двухтомнике «Русская власть и бюрократическое государство» рассматривается несколько взаимосвязанных сюжетов, раскрывающих социально-политическую природу государства. Прежде всего, речь идет о существующем в современном социально-гуманитарном знании бинарном отношении к государству. Традиционно в либеральной философии государство рассматривается либо как «необходимое зло», либо как «зло, исторически сложившееся» – аморальный механизм, обеспечивающий подавление и насилие над населением. В качестве примера приводятся многочисленные исторические факты негативного влияния. Однако методологическая амбивалентность заключается в проблеме агрегации: на основании отдельных случаев сложно сделать заключение об имманентной природе государства.

М.Ю. Барбашин полагает, что при таком подходе ситуации позитивного государственного регулирования (например, в социальной области или в сфере экономической политики) либо недооцениваются, либо реинтерпретируются в негативном русле. Например, развитие атомной энергетики связывают с военными потребностями государства, а не со стремлением человечества получить дешевый источник энергии (интерес физиков к атому проявился за десятилетия до того, как появилась инженерная возможность сконструировать ядерное оружие). Обвинения в сторону государства носят идеологический и не всегда логичный характер. Автор книги под-

черкивает: никто не доказал преобладание пользы государства от издержек на его создание и функционирование. Но обратное утверждение также верно: никто не доказал, что вред от государства превосходит пользу. Подобной математической формулы не существует. Вполне возможно, что очевидная польза от государства для многих социальных слоев, по всей видимости, перекрывает «вред» для немногочисленных анархистов.

В противоположность школе философов-«моралистов» историки и экономисты подчеркивают функционально-эволюционную важность государственного механизма. В соответствии с логикой «реализма» они указывают на положительные экстерналии («непредвиденные последствия») государственной деятельности, даже если заявленные цели и используемые средства были сомнительными. Внутривосточные войны способствовали активизации торговли посредством переплавки военной добычи (в частности, церковной утвари) в золотые и серебряные слитки, а колониальные захваты стимулировали развития капитализма в покоренных странах посредством распространения демократических институтов и европейских практик.

Можно проследить очевидную корреляцию между низким уровнем жизни и отсутствием (или слабостью) государства: Афганистан, Сомали, Ирак, Сирия, Украина и пр. Государство, как объяснял Д. Норт, снижает трансакционные издержки, создавая общие «правила игры». Рынки, в которых отсутствует возможность легального государственного вмешательства, нестабильны: экономические агенты сталкиваются с рисками приобретения «лимона» вместо качественного товара.

В теории контроль и мониторинг за соблюдением правил поведения могут взять на себя негосударственные агенты. На практике в постсоветской России за четверть века банки и брокеры на рынке «Форекс» так и не смогли самоорганизоваться. Схожая ситуация наблюдается на внесударственных рынках интернет-торговли (буксы, репосты, лайки, комменты и пр.), МЛМ, финансовых пирамид и т.п. В аксиологическом измерении критика современного государства исходит из идеализации примордиальных догосударственных структур. Считается, что автономные индивиды могут каким-то образом организовать свою жизнь без государственного вмешательства (и при этом сэкономить). В этом отношении оппоненты государственной модели (описываемые в книге как «анархисты») тесно пересекаются с критиками рыночной экономики, общества потребления, современных технологий, глобализации и пр. групп, которые убеждены в существовании в прошлом «золотого века». Они также убеждены в неизбежном крахе современного государства. Правда, этот крах постоянно откладывается, напоминая вечно сдвигающиеся прогнозы религиозных проповедников о «конце света».

В мире нет успешных примеров горизонтальных коллективных структур, которые удовлетворяли бы потребности всех членов. Теорема К. Эрроу о невозможности подчеркивает: такую структуру нельзя построить даже в виртуальном мире. Мнения людей невозможно объединить логически непротиворечивым способом. Решения всегда должен принимать диктатор (в рыночном обществе таковым выступает потребитель).

В соответствии с «законами Паркинсона» любая организация (неважно, носит ли она анархистский или бюрократический характер) сталкивается с изоморфными вызовами распределения власти и полномочий (в институциональной экономике это называется проблемой агента и принципала), ответственности, внутренними процессами бюрократизации, масштабирования и пр. Если индивиды, работая в государственных структурах, занимаются коррупцией, волокитой, служебными злоупотреблениями, то почему в общественных организациях они должны вести себя по-другому? Как говорил И. Кант, «из такого кривого полена, как человек, ничего прямого не выстругаешь».

Отказ от государства меняет одну неэффективность на другую, одного чиновника на другого, пусть даже вместо бюрократа появляется общественный активист.

Критика государства в построениях анархистов представлена гораздо подробнее и убедительнее, чем возможные версии «нового мира» и необходимые социальные реформы. Как правило, активисты ограничиваются общими рассуждениями о недопустимости насилия, бюрократизации социума, о необходимости ответственного отношения к природе и пр.

На практике многочисленные сообщества, провозглашающие своей целью построение справедливого социума спонтанной гармонии, либо быстро разваливаются, либо превращаются в тоталитарные секты. Они создают бюрократию, службы внутреннего контроля, институты безопасности и даже частные тюрьмы. Общественные и религиозные лидеры, провозглашающие необходимость отказаться от государственного подавления, постоянно воспроизводят самые худшие институциональные образцы бюрократии и насилия, подавления личности и свободы. Свобода от государственного регулирования часто превращается в свободу от правовых и социальных норм.

Часто антигосударственная риторика становится стилем общественного поведения, символическим инструментом, с помощью которого индивид может указать на принадлежность к

элитарной интеллектуальной тусовке: понимающее «меньшинство» стремится противопоставить себя необразованной «массе».

Демонизация советского государства привела к девальвации большей части советских государственных и полугосударственных институтов, включая системы образования и здравоохранения. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. в Советском Союзе начинается ренессанс антигосударственного дискурса, включая распространение альтернативной музыки и контркультуры, религиозных сект и утопических коммун и пр. Борьба диссидентов против «карательной» советской медицины привела к росту альтернативных медицинских практик, которые, как считалось, могут вылечить организм без врачебного вмешательства. Распространились новые непроверенные лекарственные препараты, лечение с помощью продуктов животного и растительного происхождения, восточные практики, гомеопатические лечебные процедуры. Многие родители стали осознанно отказываться от вакцинации детей. Другие под влиянием моды стали заниматься самолечением, избегая врачебной помощи даже в ситуациях, когда она необходима (например, популярностью стали пользоваться «домашние роды»).

Значимые позиции в диссидентском движении получили «ВИЧ-диссиденты», ставящие под сомнение само существование ВИЧ-инфекции. Политическое и общественное давление на государственную психиатрию привело фактически к ее развалу. В результате люди с пограничной психикой не только не получали соответствующего лечения, но и часто оказывались на свободе.

Схожие институциональные вызовы подорвали советскую систему образования. В диссидентском движении школы и вузы рассматривались как элементы карательного механизма. Критике подвергались не только учебные программы, но и система распределения выпускников, и даже школьная форма. Необходимость увеличить объем гуманитарных дисциплин (учебники и учебные пособия по которым часто издавались за счет западных фондов) привела к кризису в области естественных и точных наук.

Для многих представителей гражданского общества и академических структур критика государства является источником психологической самореализации и социального самопозиционирования, а иногда – и инструментом заработка в виде получения грантов и контрактов на исследования от фондов либеральной направленности.

Взгляд на антигосударственный протест как на занятие для неудачников является довольно распространенным. Не менее распространенным является отношение к протесту как к бизнесу. Говоря институциональным языком, это один из основных механизмов расширения рынков и формирования новых экономических ниш. Многие первоначально недовольные социумом анархисты, хиппи, музыкальные коллективы, выступающие в контркультурных стилях хард-рок, гранж, хип-хоп и т.п., со временем переходят от подпольного существования к формированию настоящих бизнес-империй. Они фактически «продают» своих приверженцев как аудиторию, потенциально доступную рекламодателям и спонсорам. Неважно, насколько сильно индивид ненавидит государство – всегда найдется продавец, который предложит ему «сопутствующие товары». Например, майку или бейсболку с соответствующим лозунгом.

Признание искренности антигосударственного протеста и идейной вовлеченности его участников вызывает новые вопросы. Не секрет, что в составе анархистских и радикальных движений много лиц с пограничной психологией. Что происходит, если стирается грань между девиацией и протестом? Можно ли считать выступление Pussy Riot гражданским протестом или это просто нарушение закона?

Некоторые институциональные особенности государственной структуры заменить просто невозможно. Речь идет о преимуществе, которое в институциональной экономике называется «низкой ставкой дисконтирования». Поскольку государство обычно существует дольше, чем отдельный человек, фирма или коллективное сообщество, власти могут привлекать кредитные средства под более низкий процент, гарантируя их своевременный возврат.

Именно государство может (и должно) спонсировать проекты, выгода от реализации которых носит долговременный характер (например, фундаментальная наука или экология). Сложно побуждать людей добровольно выделять средства на развитие технологий, отдача от создания которых возможна только в будущем. Только когда государство создаст большой финансовый и технологический задел для возникновения нового рынка, могут появиться частные компании (в США так происходило в сфере хай-тека, космических запусков и пр.).

Кандидат политических наук, доцент М.С. Константинов (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону) выступил с докладом **«Патология: бюрократия и апокрифические беды России»** и проанализировал ключевые проблемы российской истории, поставленные в трудах В.П. Макаренки: превалирование вертикальной организации социального взаимодействия и бюрократия. Делая выбор между двумя «парадигмальными» направлениями исследований бюрократии (концепциями М. Вебера и раннего К. Маркса в

интерпретации В.П. Макаренко), М.С. Константинов показал, что для изучения двух указанных проблем более адекватной является концепция К. Маркса-В.П. Макаренко. Он подробно рассмотрел три ключевых положения этой концепции (бюрократическое отношение, государственный формализм, политический рассудок), специально останавливаясь на анализе форм бюрократического мышления, которое склонно к формализму, нормативизму, фетишизации государства, вертикальным иерархическим отношениям и т.д.

М.С. Константинов поставил вопрос: является ли бюрократия проблемой сама по себе или же ее дисфункции коренятся в социальной институциональной организации? Он полагает продуктивным дальнейшее развитие концепции бюрократии К. Маркса-В.П. Макаренко с учетом новых исследований в области форм бюрократического мышления, в частности работ известного американского антрополога Джеймса Скотта, который представляет государственные управленческие структуры в виде тотального планирующего органа, склонного к упрощению сложной социальной действительности, к абстракции, стандартизации, калькулируемости, статичной безличности и т.д. М.С. Константинов называет эту склонность государственного мышления «патологией» (от греч. «πάθος» – страсть, болезнь, и «логика» как способ мышления, обусловленный этой болезненной страстью). И главную проблему видит не в самом государстве как инструментальном институциональном комплексе, а в модернистской идеологии, предполагающей неограниченную пользу государственной проектной деятельности (фетишизацию властно-управленческой деятельности, в терминологии К. Маркса-В.П. Макаренко) и недоразвитость горизонтальных связей в рамках гражданского общества.

Кандидат политических наук, доцент Т.А. Подшибякина (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону) представила доклад **«Либеральная бюрократия: "неидеальный тип" веберовской рациональной бюрократии»**. Понятие «либеральная бюрократия» в научной литературе употребляется, как правило, в исторической ретроспективе для характеристики той части государственной бюрократии, которая отвечала за проведение реформ в российском государстве в XIX – начале XX в. в контексте процесса модернизации. В политическом дискурсе понятие «либеральная бюрократия» часто используется в связи с концепцией бюрократии М. Вебера и непосредственно связана с его работами, посвященными буржуазно-демократической революции в России 1905 г. М. Вебер выявил тенденцию бюрократизации в зарождающихся элементах гражданского общества вследствие введения всеобщего равного избирательного права. Земства будут переданы в руки совершенно необразованных и безграмотных людей, – ссылается он на распространенное мнение среди демократов. Но эта бюрократия, или «пролетарская интеллигенция», служащая на земских должностях, по мнению Вебера, наиболее достойная уважения из всего того, что имеет дать теперешняя Россия, как единственно «в народе и с народом» живущая категория служащих, готовая к пожертвованию. Создав систему «мнимого конституционализма» в России, либеральная бюрократия затем начинает постепенно «рационализироваться», утрачивая ценностную ориентацию.

«Неидеальный тип» либеральной бюрократии в России в эпоху модернизации, включая современный ее этап, можно охарактеризовать следующим образом: статус в иерархии политико-административных отношений: государственная бюрократия или бюрократия местного самоуправления; политический характер деятельности; субъект политических, социальных и экономических реформ в России; ценностно-рациональный тип поведения, ориентированный на либеральные ценности; амбивалентность поведения: рациональное/иррациональное.

Кандидат философских наук А.И. Швырков (Брянск) выступил с докладом **«Российская бюрократия и государство: друзья, враги, подельники?»**, в котором высказал ряд конкретных комментариев по поводу монографии В.П. Макаренко «Русская власть и бюрократическое государство».

По мнению А.И. Швыркова, нельзя говорить об СССР и западном капитализме в одних терминах. Советскую бюрократию вряд ли можно рассматривать в качестве чего-то вроде класса капиталистов. Вообще учение о классах во многом неадекватно при исследовании советского общества.

А.И. Швырков считает спорным, но при этом интересным и побуждающим к размышлениям момент о преемственности между СССР и Россией. В.П. Макаренко не считает, что между ними существует принципиальный разрыв. Хотя эта идея у многих вызвала бы нарекания, определенный потенциал в ней есть. В большинстве исследований действительно выпячивается момент катастрофы, разрыва непрерывности истории, однако, возможно, для полноты картины и баланса нужно рассмотреть и предложенную автором альтернативу. На ее основе возникает ряд конкретных вопросов: в какой мере современная российская бюрократия является преемницей, «продолжательницей дела» советской бюрократии (или номенклатуры?)? являет-

ся ли она *жертвой* крушения Советского Союза или его бенефициаром? едина ли она или распадается как раз по признаку жертва-бенефициар?

Некоторые сомнения вызывает утверждение В.П. Макаренко о том, что советская бюрократия соединяла власть и собственность. Может быть, стремление как минимум части этой бюрократии демонтировать СССР (если такое стремление действительно имело место) как раз и было следствием того, что бюрократии принадлежала власть, но не принадлежала собственность?

Важной и плодотворной представляется идея рассмотрения российской власти как конгломерата различных групп, принципиально не составляющих единства. По сути, В.П. Макаренко утверждает, что власть (или государство) в России отсутствует. Ситуация, вероятно, отличная от западной, в которой существование различных групп, «партий» (в широком смысле) является неотъемлемым элементом политической культуры, не скрывается, защищается законом и вообще формализовано. С этим во многом связана проблема отсутствия «нормальной» оппозиции в современной России, на которую совершенно справедливо указывает автор. Но остается вопрос: возможна ли в России такая оппозиция в принципе – в силу особенностей ее истории, политической культуры, традиций и пр.

Здесь мы выходим на другую чрезвычайно важную проблему, суть которой в том, возможна ли вообще в России реализация западной политической модели вообще. В.П. Макаренко неявно предполагает, что все-таки возможна, и рассматривает и советский, и постсоветский период в истории России именно в этой перспективе (то есть, строит рассуждения во многом в рамках транзитологической парадигмы). Если такое предположение насчет интенций автора верно, то было бы неплохо, во-первых, такую позицию однозначно сформулировать и, во-вторых, дать ее развернутое обоснование. Особенно в этом плане важно уточнить, идет ли речь о некой нормативной модели, предоставляемой, в частности, теорией демократии, или о «реальности» современного западного общества. Сравнивает ли В.П. Макаренко текущую ситуацию в России с такой же ситуацией на Западе или же сравнение происходит с нормативной моделью?

Возможен и иной вариант толкования позиции В.П. Макаренко, когда его отношение к тем или иным процессам является преимущественно критическим, то есть, и западная, и российская (советская) модели, а также вся транзитологическая парадигма им отвергаются как неадекватные. Чем является современная российская политическая система – чем-то устоявшимся или же она находится в некоем переходном состоянии? По-другому: в какой мере она до сих пор является Советским Союзом, а в какой – чем-то в корне от него отличным? Имеющиеся отличия в большей мере негативны или же они являются зародышами будущего особого состояния? На этот счет В.П. Макаренко конкретно не высказывается. Хотелось бы видеть его позицию по этому вопросу.

Действительно ли советская (российская) бюрократия и бюрократия западная – явления сущностно подобные. Если да, то какое значение для роли бюрократии в обществе имеет общественный строй? Возможно, в советском обществе бюрократия играла иную роль, чем в западном, или ее влияние было меньше (больше)? Этот вопрос нужно дополнительно прояснить. То есть, нужно прояснить, как тип общества влияет на функционирование бюрократии (смягчает негативные результаты ее деятельности или наоборот усугубляет). Если В.П. Макаренко-автор в целом негативно относится к советскому периоду, в этом случае было бы интересно увидеть полемику с теми исследователями, которые к этому периоду относятся с симпатией.

А.И. Швырков в заключение подчеркнул, что полностью разделяет позицию В.П. Макаренко по вопросу невозможности разделения политики и управления. Разделение на «политика» и «управленца» носит искусственный и надуманный характер. Одно из главных достоинств В.П. Макаренко – стремление «выпятить» иррациональную сторону функционирования бюрократии, государства вообще. Рациональный «крен» в политологии до сих пор слишком силен и серьезные работы, в которых подчеркивается и анализируется иррациональная природа политики, редки.

В докладе научного редактора журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» Т.А. Халилова (Краснодар) **«Политико-экономические источники власти в современной России: размышления над эффектом "клетки"»** было констатировано, что рассуждения о статических и динамических параметрах властных отношений в современной России вести непросто по нескольким основаниям. Во-первых, само понятие власти многозначно: эта категория политического языка в зависимости от контекста может означать и политический режим в целом, и политико-управленческий класс, и сектор человеческой деятельности, и т.д. Во-вторых, в силу внешних обстоятельств очевидно, что в ближайшем будущем произойдут (или уже происходят) внутренние трансформационные процессы в российской системе властных

отношений. В-третьих, выявление *выключенных настроек* властного пространства России требует от исследователей методологической апелляции к его источникам.

Учитывая наличие политического и экономического источников власти, с одной стороны, и существование разновидностей взаимодействия политического и экономического, с другой стороны, можно сконструировать типологизацию форм взаимодействия источников политического и экономического. Однако данные формы взаимодействия политической и экономической власти не существуют самостоятельно, автономно и закапсулировано. Они взаимодействуют друг с другом, создавая тем самым институциональные режимы более сложного уровня взаимодействия политической и экономической власти. Именно данные институциональные порядки описывают многосложность взаимодействия политической и экономической власти.

В современной России одновременно сосуществует несколько институциональных режимов взаимодействия политической и экономической власти, что как раз и обеспечивает возможность возникновения «эффекта клетки», то есть способности государства *«захватывать»* социального актора, диктовать ему стиль, форму и механизмы взаимодействия, определять ресурсность повестки изменения. В условиях структурной турбулентности российский крупный бизнес будет вести себя неоднородно. Политически активные бизнес-структуры, поддерживающие демократизацию современной России, будут стремиться вырваться из *«клетки»*, расшатать ее изнутри. Политически активные бизнес-структуры, не поддерживающие демократизацию современной России, продолжат свое активное участие и ресурсную поддержку крупных государственных проектов. Политически пассивные бизнес-структуры, поддерживающие демократизацию современной России, будут практически не заметны в публичном пространстве. И, наконец, политически пассивные бизнес-структуры, не поддерживающие демократизацию современной России, будут продолжать практиковать коррупционный институциональный режим взаимодействия политического и экономического своими собственными действиями. Государство, чтобы как минимум сохранить status quo (модель им же сконструированной «клетки»), будет стремиться использовать в своей активности множественность технологий или даже наращивать репрессивность.

Доклад М.А. Петрова (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону) был посвящен **оценкам концепции «власти-собственности» в современной российской историографии.** В настоящее время понятие «власть-собственность» получило широкое распространение в российских общественных науках и публицистике. Чаще всего данный термин связывается с работами синоведа Л.С. Васильева, хотя некоторые авторы склонны приписывать соавторство идеи медиевисту А.Я. Гуревичу. При этом интерпретация концепции напрямую зависит от представлений исследователей о ее авторстве. Те из них, кто в равной степени опирается на работы А.Я. Гуревича и Л.С. Васильева, склонны к широкому толкованию феномена «власти-собственности» как явления, типичного для большинства докапиталистических обществ и выражающегося (в соответствии с представлениями прежде всего А.Я. Гуревича) в неразделимости или, по меньшей мере, слабой дифференцируемости, управленческих и собственнических прав.

В свою очередь авторы, принимающие трактовку феномена и предложенную в связи с ним концепцию Л.С. Васильева, признают приоритет именно этого исследователя. Несмотря на то, что сам ученый никогда не обходился молчанием идеи А.Я. Гуревича и часто привлекал их для подтверждения собственных положений, он так же неизменно подчеркивал самостоятельный характер своей концепции. Таким образом, можно утверждать, что в настоящее время мы имеем дело с двумя редакциями одного понятия, хотя этот факт и не всегда осознается в научной, и особенно – научно-популярной литературе.

Не вызывает сомнений, что в работах Л.С. Васильева феномен «власти-собственности» получил глубокую концептуальную разработку и даже вырос до теории всемирно-исторического масштаба. С точки зрения ученого, во всех обществах «восточного» пути развития именно власть имела, безусловно, приоритетное значение, только обладание властью, связанное с определенным местом в государственной иерархии, открывало доступ к собственности. Альтернативные пути получения собственности практически исключались, обладание сколь угодно значимым богатством всегда было возможно только с санкции власти.

Настаивая на универсальности феномена «власти-собственности» для всех традиционных восточных обществ, Л.С. Васильев распространил его на средневековую Европу, исключив из него только античные общества докапиталистической эпохи.

На первый взгляд, концепция Л.С. Васильева получила широкое признание, в настоящее время она представлена в работах общеоисторического характера, выступает в качестве теоретической основы ряда востоковедных работ, излагается в учебниках. Однако обращает на себя внимание, что для многих авторов теория «власти-собственности» оказалась «удобной» по причинам, прежде всего, идеологического характера, поскольку выступает осовремененной

версией представлений о «восточном деспотизме». Другими авторами она была принята как простая и удобная схема. Однако, уже среди востоковедов, работающих с конкретно-историческим материалом, генерализующий подход Л.С. Васильева вызвал немалые нарекания. При том, что теория «власти-собственности» была принята многими синологами (возможно, из-за большего соответствия именно китайским реалиям), даже среди них высказывались резко отрицательные суждения.

Пожалуй, наименьшую поддержку идеи Л.С. Васильева получили у индологов. Последовательным оппонентом ученого по вопросам теории исторического процесса уже на протяжении многих лет выступает видный специалист по индийской истории Л.Б. Алаев. Среди представителей других отраслей востоковедения представления о «власти-собственности» как ключевом феномене принимаются либо с существенными оговорками, по сути создающими новые, самостоятельные версии концепции, либо получают достаточно скептическую оценку.

Таким образом, в настоящий момент концепцию «власти-собственности» нельзя считать общепризнанным теоретическим фундаментом изучения социально-экономических процессов в обществах не-западного пути развития. Многими исследователями, опирающимися на положения Л.С. Васильева, она в большей степени «принимается на веру» и используется не как поисковый инструмент, а как нормативная установка, под которую выстраиваются произвольно привлекаемые факты. Другие авторы, используя созвучную терминологию, наполняют ее иным содержанием, чаще всего понимая феномен как тесную взаимосвязь двух элементов, свойственную докапиталистическим обществам. В связи с этим М.А. Петров посоветовал В.П. Макаренко внести уточнение в его понимание феномена «власти-собственности».

В заключение В.П. Макаренко поблагодарил участников за интересные суждения и высказался по нескольким крупным проблемам исследования.

На «Открытом Университете» обсудили «особый путь» феминизма в России**ЗАМЖИЦКАЯ Мария,**
MR7.ru

На «Открытом Университете» обсудили прошлое, настоящее и будущее феминизма в России. Спикеры – Александр Кондаков, заместитель главного редактора Журнала исследований социальной политики, Екатерина Бороздина, научный сотрудник программы «Гендерные исследования» Европейского университета в Санкт-Петербурге, и Полина Заславская, современная художница, размышляли, почему само слово «феминизм» сегодня часто вызывает неадекватную негативную реакцию и как в стране «особого феминизма» возрождается патриархальная мораль.

Кратко об истории

Первая волна феминизма приходится на XIX – начало XX в. Тогда произошло осознание того, что в обществе существует неравенство – прежде всего, на формальном уровне. Женщины не имеют тех же прав, что и мужчины: права на образование, права собственности, права на участие в политической жизни, права социальной активности. Первая волна феминизма – попытка преодоления этого формального неравенства, существующего на уровне законодательства.

Вторая волна феминизма связана с пониманием того, что неравенство не только формальное. Оно связано с тем, что опыт женщины не признается равным с опытом мужчин. Мы можем заметить, что, например, опыт воспитания детей, домашняя работа оцениваются ниже, чем какие-то мужские опыты – политика, экономика, публичная деятельность. Иными словами, женские опыты не воспринимаются как труд, как работа, они недооцениваются, словно это все происходит само собой. Вторая волна феминизма – борьба за признание значимости женских опытов.

Главной темой третьей волны феминизма становятся стереотипы и табу, связанные с сексом и сексуальностью.

Импорт идей

Феминизм – одна из немногих областей, где у нас действительно есть что-то свое, особое, и если мы говорим о феминизме первых советских лет, первом революционном феминизме, то у нас действительно есть свой «выросший» феминизм, к которому было привлечено внимание представителей западного движения. Но сегодня мы опять заимствуем идеи: современный феминизм – «импортированный», это западное движение, основанное на идеях второй и третьей волн.

90-е годы – тот момент, когда наша страна открывается и проявляет интерес к демократизации, к западным идеям и либерализм перестает быть ругательным словом. Это проявлялось в том числе и в интересе к феминистским идеям и гендерным исследованиям, которые позволяют осмыслить многие процессы, происходящие в обществе (женские движения, неравенства в сфере работы, в распределении домашних обязанностей).

В то же время и Запад интересовался нами: что же происходит в России, которая была закрыта и которая представляет собой очень интересный сплав различных идей? Тогда стали образовываться центры гендерных исследований, а значит – западные гранты и новые карьерные возможности. Феминизм ненадолго стал модным, а для кого-то – способом построения карьеры. Все это не способствовало пониманию самого явления. Сегодня самые разные люди говорят о феминизме, зачастую транслируя при этом какие-то очень патриархальные и традиционалистские идеи.

Искусство как активизм

Женское искусство активно начинает развиваться в 90-е гг. Первая выставка в 1989 г. – «Женщина в искусстве». После 2010 г. искусство становится транслятором феминистических проектов и идей, входит в сферу активизма. Возникают такие проекты, как «Феминистский карандаш» (выставка феминистских графики и стрит-арта). Там был поднят вопрос насилия над женщиной, физического и психологического. Женщинам было предложено в графической форме высказаться на эту тему. Проект был очень сильный, заставляющий думать. Сегодня мы видим множество попыток решать гендерные проблемы с помощью искусства. И, мне кажется, это показатель того, что в России есть феминизм.

Надо обсуждать

Феминизм не только возможен, но он уже есть, и что сейчас необходимо – это открыть пространство для дискуссий внутри феминизма, в рамках феминизма, за пределами феминизма. Главное – все данные дискуссии всячески поддерживать, потому что именно в них рождаются новые идеи. Любые конфронтации, которые происходят в феминизме, хороши для того,

чтобы продуцировать новые идеи и знания. Дискуссия, диалог – вот, что важно. Они способствуют анализу того, что происходит вокруг.

Откат назад

Люди разных полов, независимо от гендера, могут быть феминистами, продвигать феминистские идеи и бороться с гнетом патриархата, равно как женщины могут не быть феминистками. Например, есть Елена Мизулина, казалось бы, женщина, но те законы, которые она предлагает и поддерживает: цензура в интернете для защиты детей, включение православия в конституцию, ограничение права на аборты, налог на развод, запрет суррогатного материнства, изъятие детей из однополых семей – это явная пропаганда патриархата, гнета, запретов, которые делают положение женщин значительно хуже.

Феминизм как свобода быть собой

Феминизм вовсе не предлагает воевать с мужчинами и не пытается захватить мужские привилегии (к сожалению, так часто понимают феминизм). Феминизм – это особая перспектива, точка зрения, которая позволяет говорить о проблемах, которые обычно замалчиваются, и искать решения. Феминизм – признание особенностей, нюансов, различных точек зрения, деконструкция социальных иерархий. Нет мужчин «вообще» и женщин «вообще». Это отказ от нормативных категорий, определяющих, что все мужчины должны быть «такими», а все женщины – «другими». Феминизм – это попытка понять и переосмыслить мужское и женское.

Рубрику ведет **ХАЛИЛОВ Тимур Александрович**,
научный редактор журнала
«Историческая и социально-образовательная мысль»,